

РОМАН СУРЖИКОВ

ПОДВЗННІЕ
КЪЮШІ

Полари

Роман Суржиков

Полезные люди

«ИП Головин»

2017

Суржиков Р.

Полезные люди / Р. Суржиков — «ИП Головин»,
2017 — (Полари)

Интерлюдии – это небольшие истории в стороне от главного сюжета. Действие разворачивается в новых местах, еще не знакомых читателю. Главные роли играют новые персонажи со своими чувствами и тайнами. Неведомые грани мира Полари раскрываются перед читателем и несут предвестие будущих великих событий. Повесть «Полезные люди» рассказывает историю парочки ушлых ребят, выполняющих загадочное задание в столице Полари Фаунтерре. «Полезные люди» хронологически расположена между книгами «Лишь одна звезда» и «Кукла на троне»

© Суржиков Р., 2017

© ИП Головин, 2017

Роман Суржиков Полезные люди

Январь 1775 г. от Сошествия

Фаунтерра; Грейс (герцогство Южный Путь)

Бакли взял из колоды даму – как раз то, что нужно. Ухмыльнулся и открыл карты.

– Сучий ты потрох!.. – гаркнул Шестой, капельки слюны полетели на колоду.

– Не везет тебе сегодня, дружище, – сказал Бакли и придвинул к себе монеты.

Шестому не везло и вчера, и третьего дня, и неделю назад, и месяц. Ему всегда не везло, когда играл против Бакли. От вечера к вечеру, по мере убывания запасов, Шестой менял ставку. Сперва играли по елене, затем – по глории, потом сошли на агатки, сегодня – на полтинки. И чем больше он проигрывал, тем теплее становилось словцо, которым звал его Бакли. Шестой сперва звался просто Шестым, потом – парнем, потом – приятелем, позже – дружищем, а теперь вот...

– Может, довольно, братец? – с сахаром в голосе предложил Бакли.

– Сдавай.

– Пока ты вконец не разорился, а? Я же о тебе забочусь!

– Сдавай, сучье вымя!

Бакли принялся тасовать, Шестой уставился в окно. За стеклом была узкая площадь, а по ту ее сторону – длинный сарай под двускатной красной крышей. Трактир, в котором сидели игроки, звался «Свиньей и гусем», здоровущий сарай напротив – Мясницким рынком, а площадь – Мясоедной. На площади наблюдалось движение: то прокатит телега, то процокает конь, то бойко проскрипят по снегу люди. Порою кто-то проходил у самого окна, и сквозь стекло влетал клочок разговора.

– Ишь, шастают, – со злобой процедил Шестой.

– Тебе-то что, друг мой?

– К коронации готовятся.

– И?..

– Ненавижу коронации! Сдавай уже.

Бакли стал сдавать.

– А ты их много видел?

– Кого?

– Коронаций.

– Ни одной.

– Так что же...

– Сказал – ненавижу! – огрызнулся Шестой, и Бакли предпочел замолкнуть. Шестой добавил: – Экая радость – коронация! Какую-то сучью пигалицу сядят на трон, а я должен радоваться? Не дождутся!

Бакли сдал, они взяли карты. Бакли добрал одну, Шестой – две. Помедлил, натужно размышляя. Потянулся к колоде с глухим рыком, словно уже предчувствуя исход. Вытянул третью карту.

– Дерьмище!

Он швырнул на стол карты вместе с серебряной полтинкой.

– Будем продолжать, братишка? – спросил Бакли.

– Да. Но сдам я, – Шестой забрал колоду. – Тебе черти крутят.

Бакли усмехнулся. Шестой всегда хотел играть, и это было хорошо. «Желание – ценная штука, – так говорил хозяин. – Кто много хочет, тот полезен».

Однако сдать Шестой не успел. Дверь скрипнула, Бакли бросил взгляд и напрягся, шепнул:

– Он.

Человек, которого они видели нынешним утром на станции, вошел в трактир, притопнул, сбивая снег с подошв, осмотрелся. Напоролся на неосторожный взгляд Шестого – и тут же ринулся прочь. Шестой и Бакли – следом, на ходу надевая тулупы.

– Извозчик!..

Человек со станции подбежал к бричке, в которой приехал за минуту до того.

– Гони скорее!

Лошади не успели тронуться, как Шестой и Бакли уже вспрыгнули в экипаж.

– Ага, гони, мил человек, – сказал Бакли, бросая извозчику елену. – Куда-нибудь на околицу.

– К Привратной?

– Да хоть и к Привратной.

Человек со станции попытался выпрыгнуть на ходу, но Шестой крепко ухватил его за плечо, швырнул на сиденье и впечатал кулак под ребра.

– Ъыыы... – человек разинул рот, пытаясь вдохнуть. На нем была громадная меховая шуба, и сам он – щедушный, остроносый – терялся в ней. Мелкие глазенки испуганно блестели из-под шапки.

– У тебя куриные мозги, – сказал Бакли человечку. – Знаешь, почему? Давеча на станции мы искали следы одного пассажира. Всем станционным предлагали десять золотых за сведения, и ты купился. А монетки-то были простой наживкой. Ничего ты не понял, лопух.

Бакли сделал паузу, и Шестой снова ударил человека со станции.

– О-оой...

– Мы думали так: на станции должен быть парень из протекции. Тайная стража точно ведет учет, кто приехал и кто убыл. Но как вычислить этого парня? А вот как. Майор Бэкфилд сбежал, верхушка протекции распалась, новую не поставили. Значит, вас, шептунов, никто не кормит. А значит, вы теперь падки до денег.

– Будто раньше не были падки, – Шестой врезал человечка по уху так, что шапка улетела в снег.

– Потом мы порасспросили о тебе у коллег. И ничегошеньки не узнали, кроме того, что твое любимое местечко – «Свинья и гусь». А теперь осталось кое-что проверить...

Бакли сунул руки ему под шубу, пошарил, вытащил кошель. Высыпав монеты на ладонь, пересчитал.

– Все наши десять эфесов тут. Стало быть, с начальником станции не поделился, а значит, работаешь не на него, а прямиком на главу протекции. Ты-то нам и нужен, жадный осел.

– Сучья кишка, – Шестой, привстав, обрушил на него кулак.

– Ну-ну, хватит, – Бакли покачал головой. – Не переусердствуй, а то остатки мозгов выбьешь.

– Что вам нужно?.. – выдохнул человечек со станции.

– Польза, конечно. Что ж еще, кроме пользы! Когда мы спросили про этого пассажира, ты ушел, а потом вернулся со сведениями. Вот и принеси нам ту учетную книгу, с которой сверялся.

– Что?..

– Ты, тварь, оглох?! – взревел Шестой.

– Книгу, – повторил Бакли, кривясь. – Книгу учета. Ты ж не в голове все держишь. Кто и когда прибыл на вокзал Фаунтерры, куда направился потом. Ты вел учет для Бэкфилда, а его больше нет. Продай книгу нам.

– Продать?..

- Ну все, ты меня разозлил.
Шестой выхватил нож и прижал к подбородку человечка.
– Ц-ц-ц, – одернул его Бакли. – Спокойнее. Так вот, козлик, ты продашь нам книгу. Прямо сейчас. Цена – сто золотых эфесов.
– Д... д... двести, – прошипел человек со станции, сглотнув слюну от страха.
– Каков, а? – фыркнул Бакли и несильно ткнул человечка в нос. – Вот жадный козлик, видали такого?!
- Ткнул еще раз. Человечек шморгнул, сглотнул кровь и сопли.
– С...сто восемьдесят.
– Сто сорок, – сказал Бакли.
– Д...деньги вперед.
– Не держи нас за ослов. Двадцать вперед, остальные – за книгу.
– Ладно.
– На вокзал, я так понимаю?
Человечек в шубе кивнул. Бакли дернул извозчика за плечо:
– Эй, мил человек! Планы сменились: вези на вокзал.

Книга представляла собою, на самом деле, шесть книг: по одной за каждый месяц, начиная с июля. Человечек со станции принес тома в мешке. Он пропадал часа два. Уже совсем стемнело, Бакли с Шестым утомились ждать в привокзальной церквушке. Шестой то и дело подхватывался со скамьи, громко рыскал от алтаря ко входу и назад к алтарю. Кто-то из прихожан сделал было замечание:

- Молодой человек, уважайте...
– Чего тебе, сучий потрох?! Сиди тихо и не лезь!

Старик умолк и спрятался в плечи. Когда явился человечек со станции, Шестой вырвал мешок из его рук, оттолкнул его, перебросил книги Бакли. Тот пролистал и удовлетворенно кивнул. Учет велся как надо. Указаны были имена и даты прибытия, исходная станция и направление, куда пассажир подался потом. Также вписано и то, чем был примечателен данный пассажир и почему удостоился внесения в книгу: «Видный дворянин», «Трое здоровяков – верно, воины», «Повздорил с охраной», «Сильно переплатил за билет», «Имел дорогой меч», «Вез собаку неясной породы»... Было даже такое: «Выйдя с вокзала, раздал одежду бродягам».

- Ты что же, сам это все отследил? – удивился Бакли.
– Есть еще трое на жаловании...
– И ты продаешь ваш общий труд? Ай-ай, как нехорошо.
– Они сбежали вместе с Бэкфилдом.
– А ты остался? Ждал, значит, случая продать книженцию? Жалко было бросить теплое место?

- Ну... э... ммм...
– Думал, северяне тебе заплатят за этот реестр?
– Вы не хуже северян, – человечек несмело покосился на Шестого.
– Это чертовская правда. Ты попал в самую точку, козлик. Мы намного лучше.

Бакли протянул мешочек, набитый золотыми. Служитель станции схватил, оценил на вес и шустро выскочил из церкви. Был – и уже нету.

- Идем, браток, – сказал Бакли Шестому. – Хватит беспокоить прихожан.

Они вышли на улицу. Вечер покусывал за щеки хрустким морозцем. Вокзал светился цветными огнями, трепыхались флаги. Извозчики переругивались за место поближе к дверям станции. Полдюжины привокзальных гостиниц, как могли, тянули к себе внимание приезжих: плакатами и вымпелами, яркими фонарями, ветровыми трещетками, жестяными коронами. Притопывая на месте, орали зазывалы: «Гостям коронации – чистые комнаты!.. Согрейтесь с

дороги! Пассажирам пунш за счет гостиницы!.. Постоялый двор „Минерва“ – лучший у вокзала!..»

– Коронация, – Шестой плюнул на снег. – Ненавижу это дерьмо.

Бакли смотрел вслед человечку со станции. Тот прошел мимо лучшей привокзальной «Минервы», оглянулся через плечо, юркнул в проулок. Бакли сказал:

– Давай, Шестой, принеси пользу.

– Его?.. Сейчас?!

– Нет,ждемся, пока северяне возьмут его и спросят!.. Сейчас, Шестой, сейчас.

– Сучья работа... .

Верзила снова плюнул и пошел, ускоряя шаг, к тому самому проулку. Вернулся через каких-нибудь десять минут, сунул Бакли кошель с деньгами. Судя по весу, все сто сорок эфесов были здесь.

– Хорошо, – сказал Бакли. – Молодчик.

– Сучья работа, – ответил Шестой.

* * *

«Чтобы быть полезным, нужно иметь желание и умение», – так говорит их хозяин. С этой точки зрения, Шестой явно полезен: он знает свое дело и всегда, без перерывов, испытывает желание.

– Сыграем?..

Шестой рыскал по гостиничной комнатухе и мусолил колоду в здоровенных ладонях.

– Сыграем, а?

– Не мешай, дружок, – отмахнулся Бакли. – Видишь же: я занят.

– Что ты там ищешь?

Бакли водил пальцем по строкам учетной книги.

– Имена. Что еще тут можно найти?

– Какие имена?

Кривясь от его тупости, Бакли поднял глаза:

– Имена людей, Шестой. Двух полезных и одной мелкой шавки.

– Каких еще людей?

Бакли вздохнул. Шестой – дубина. Приходится объяснять то, что и ребенок понял бы.

– Вот ты, братец, не любишь коронацию, а зря. Важные люди изо всех земель съедутся на нее. Важные и полезные. Мне нужны двое из них.

– И как ты поймешь, кто полезный, а кто нет? – Шестой глянул через его плечо в книгу и нахмурился. – Тут же... тьфу... конь копыто сломит!

Бакли терпеливо ответил:

– Все просто, дружок. Эти двое не так мелки, чтобы быть бессильными, но и не так заметны, чтобы попасть под надзор северян. Они уехали к себе по домам, когда в столице стало страшно, но недавно вернулись, чтобы поспеть на коронацию. И еще, я знаю, из каких они земель. Достаточно примет, а?

– У... Ну, так ты ищи быстрее. А потом сыграем!

Вскоре Бакли нашел одно имя. Довольный собою, сел за карты и в течение часа выиграл у Шестого горку монет. Шестому пришлось крепко порыться по карманам и вытащить на свет все запасы. Десять агаток – вот все, что осталось у него к полуночи.

– Сыграем еще, – потребовал он.

– Сыграем, но завтра, братец мой любезный. Сегодня тебе уж больно не везет, а завтра, глядишь, удача переменится. Я ведь о тебе забочусь. Ты мне – как родной!

Бакли похлопал верзилу по плечу и отправился спать.

* * *

«Бакли знает подход к любому», – так говорит хозяин. Но, на самом деле, подходов только два: сверху или снизу. Нужно лишь правильно выбрать.

Вот привратник: с кирпичной рожей стоит на крыльце, гадливо зыркает сверху вниз на визитеров. Он – мелкая дрянь, к таким всегда нужно подходить сверху, поставив сапог на его загривок. Уберешь ногу с его шеи – сам окажешься под сапогом. Или одно, или другое – вот весь выбор.

Бакли неторопливо взошел на крыльцо. Привратник загородил ему путь:

– Кто такой? Куда лезешь?

Бакли ткнул ему пальцем в живот и чуток нажал, отодвигая привратника с дороги: красном ногте, чтобы не запачкаться.

– Поди-ка прочь, мил человек. Мы к аббату Феррайну.

Привратник насупил брови, набычился, сдвинув шапку на лоб:

– Кто такой, спрашиваю?

– Ты, видно, совсем ничего не понял... – Бакли брезгливо отвернулся от привратника и махнул Шестому: – Принеси пользу, дружок.

Как-то так вышло – ни Бакли, ни привратник не успели заметить, как именно... Но спустя вдох страж дверей пялился на свой палец, а тот сучковато торчал в сторону и быстро опухал. Бакли взял сломанный палец и плавно выкрутил. Из глаз привратника брызнули слезы.

– Я же тебе сказал, мил человек: мы к аббату Феррайну. Что тебе неясно, а? Беги к своему хозяину и скажи: тот, кто верит в святую Софью, пришел исповедаться.

Сверху или снизу – важно правильно выбрать.

Седой сухой дед с круглой проплешиной на темени сидел в кресле из черного дерева, постукивал пальцами по подлокотнику. Сидел себе, постукивал, глядел из-под бровей. Однако сразу – по твердой осанке деда, резной маске морщин, упертой неподвижности зрачков – Бакли понял, что выбрать.

– Желаю крепчайшего здоровья вашему преподобию! Великодушно прошу простить за беспокойство, которое вам причиняю.

Короткими шажками Бакли подбежал к деду, на ходу уменьшаясь в росте. Встал на колено, наклонил голову. Аббат вяло протянул руку с перстнем, Бакли поцеловал громадный красный камень.

– Кто таков?.. – голос аббата Феррайна был скрипучим, но ровным.

– Я – Бакли, ваше преподобие. Могер Бакли.

– Какого сословия?

– Нижайше прошу простить, ваше преподобие, но важен ли ответ на сей вопрос? Поймите верно: я не имею секретов от вашего преподобия и с радостью скажу, к какому сословию отношусь. Но только я к вам не по делу сословия, и даже не по личному.

– Ты сказал привратнику, что хочешь исповедаться.

– Дело вот какое, ваше преподобие... всю жизнь я поклонялся святой Софье Величавой, и всегда чувствовал ее опекающую длань на моем плече. Но недавно – в ноябре – кое-что переминалось и бросило мою душу в пучины тревоги. Святая Софья отвернулась от меня. Всякий раз, как пытался молиться, я получал от нее знак: обратись к Светлой Агате. И чем истовой были мои мольбы, тем жестче звучал ответ: ступай к Светлой Агате, лишь она поможет тебе!

Аббат Феррайн, что прежде слушал его с глубокой скукой, при последних словах шевельнулся.

– Что за знаки были тебе явлены?

– Разные знаки, ваше преподобие. Прежде всего, мирские.

Бакли поднял голову, повел взглядом вокруг себя, печально поджал губы. Мол, скверные дела творятся в мире, ваше преподобие сами понимают.

– Поднимись, – велел аббат. – Сядь вон туда и скажи ясно: Софья Величая послала тебя к Светлой Агате?

Бакли сел, смущенно пожал плечами:

– Ваше преподобие, вы говорите так, будто Софья – лорд, а я – ее вассал. Не послала она меня, это будет неверное высказывание, но дала знак, что лишь Агата может помочь.

– Которая Агата? Северная или центральная?

– Центральная Агата, ваше преподобие. Оттого я и пришел к вам.

Аббат Феррайн не служил ни Агате, ни Софье. Он принадлежал к Церкви Праотцов и числился служителем святого Вильгельма. Однако не усмотрел никакого противоречия в словах Бакли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.